

Тридцать лет назад был опубликован роман Василия Белова «Всё впереди» (Наш современник. № 7, 8, 1986; Роман-газета, № 6, 1987). Теперь по прошествии времени и ввину свершившихся событий — происшедшей в России новой, очередной, на этот раз «либерально-демократической» революции, можно уверенно сказать о том, что роман этот занимает особое место в русской литературе второй половины XX века и в русской литературе в целом. Занимает он особое место и в творческом наследии выдающегося писателя.

Прежде всего, это роман — *мировоззренческий* и даже *идеологический*. А значит и должен быть оценён именно с этой точки зрения. Роман с претензией на предсказание будущего, что было замечено даже его непримиримыми критиками.

А потому не только юбилей романа Василия Белова «Всё впереди» явился поводом и причиной снова обратиться к нему. А то обстоятельство, что предсказываемое в нём сбылось — в России произошла очередная революция, причины и, скажем так, «механика» которой и были представлены в романе. Точнее было бы сказать так: какой тип сознания людей, получивший преобладание в обществе, непременно приводит к социальному нестроению и революционному анархизму.

Кроме того, Василий Белов в своём романе коснулся извечного противоборства *цивилизации и культуры*. И — только России присущего, нигде более в таком виде не встречаемого соотношения народа и интеллигенции, конфликта между ними. Автор романа «Всё впереди» изобразил новую интеллигенцию, так называемых «шестидесятников», которые пришли на смену «советской интеллигенции» как образованной части общества. Это же была идеологически озабоченная, революционно настроенная, переполненная критicismом к власти, государству и народу часть интеллигенции, дерзнувшая на мировоззренческое и идеологическое водительство.

По сути, эта часть интеллигенции, вернувшись к своей прежней дореволюционной природе, подготовила революцию начала XX века. Она вернулась к своему феномену, не встречаемому в других странах и обществах. Ведь, «говоря о русской интеллигенции, мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории... Как известно, это слово, то есть понятие, обозначаемое им, существует лишь в нашем языке» (Г. Федотов). Опять превратилась в «особого рода соединение», которое вступило в весьма знаменательные «отношения с «народом», со «стихией», именно — отношения борьбы» (А. Блок). Но почему произошло такое перерождение интеллигенции в «шестидесятничество»? Ведь «революционная Россия изжила противоположение интеллигенции и народа. Правда, в значительной мере ценой уничтожения интеллигенции» (Г. Федотов).

Такое перерождение интеллигенции в советский период истории стало возможным потому, что в обществе нашем к тому времени сложилось уникальное положение, когда реально происходившие духовно-мировоззренческие и социальные процессы не соответствовали их идеологическому обеспечению. Образовался, по сути, вакуум идеологии, брешь, в которую хлынули обломки былых и случайных воззрений... Что было впереди? Впереди была новая, очередная революция в России. Так нужно понимать название романа Василия Белова — «Всё впереди».

Ко времени выхода его в свет в нашем обществе была уже провозглашена *«революционная перестройка»*. Именно — революционная... Иными словами, была предпринята революция сверху. Хотя на декларативном уровне всё происходящее представлялось как *реставрация*. И тут был сокрыт главный обман творцов новой революции. Реставрационные процессы в нашем обществе начинались всё-таки в середине тридцатых годов, но никак не в 1991–1993 годы.

Но новая революция была выставлена как реставрация, как якобы установление справедливости, порушенной катастрофой начала XX века... Последовала отмена коммунистической идеологии. Вслед за ней опять-таки *революционный*, чёрный передел собственности. Возвращение к варварству классового буржуазного общества с его социал-дарвинизмом, звериным «естественным отбором». Афишировалось всё это как выход из советского «тупика» с его семидесятилетним «падением» и возвращением к «исторической России». Такая мировоззренческая невнятица вызывала полную прострацию в умах и душах людей, родившихся, выросших и состоявшихся в советский период истории. Впрочем, эта идеологическая манипуляция в «демократической» революции нашего времени требует более пристального анализа. Мы же касаемся её лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания романа Василия Белова.

Это роман о том, как и почему люди, являющиеся, так сказать, продуктом советского образа жизни, доставшегося дорогой ценой, не приспособленные жить ни в каких иных условиях, кроме этих, оказались неистовыми, непримиримыми противниками этого образа жизни?.. Но тут нет ничего нового. Это выходит из самой природы всякой революции, которая является не столько социальным феноменом, сколько духовно-мировоззренческим, психологическим и даже психическим. Во всякой революции в результате духовных насилиев люди впадают в невменяемость: «Что делать, ведь каждый старался свой собственный дом отравить» (А. Блок).

Роман Василия Белова «Всё впереди» был встречен единодушным его неприятием и отрицанием. Трудно, в самом деле, принять за литературную критику то, что вмнялось в «вину» писателю. Скорее, творцы «демократической» революции нашего времени узнали себя в этом романе. И их пишущая обслуга повела с ним беспощадную борьбу.

Это был целый вал статей, удивительно однообразных, с предельной критикой не только романа, но и самого писателя. Причём авторов — исключительно либерал-революционных воззрений. Кажется, только статья Вячеслава Горбачёва «Что впереди?» противостояла этому, какому-то и вовсе самодовольному и разнузданному критиканству (Роман-газета. № 7,8, 1986; Молодая гвардия. № 3, 1987). Становилось совершенно ясно, что такой тип сознания — либеральный и революционный — получил в нашем обществе к тому времени абсолютное преобладание. Но как теперь припоминается, не верилось в то, что это может привести к столь печальным трагическим революционным событиям. Причём не верилось всем.

Но зададимся вопросом: а ново ли это для такого рода мировоззренческих, пророческих романов? Не только не ново, а, можно сказать, абсолютно неизбежно.

Припомним, что уже роман «Некуда» Н. Лескова крайне не понравился либеральной общественности из-за своего «направления». Д. Писарев поставил Н. Лескова в ряд «свирепых истребителей будущего». Но примечательно ведь — прозрение будущего, того, что впереди, названо его противоположностью — «истреблением будущего»... Но был ведь ещё у Н. Лескова пророческий роман «На ножах». Однако писателю так и не простили его пророчеств. Либеральный сыск оказался для него пострашнее всякого иного. До такой степени, что Н. Лесков, в творчестве которого «был слышен голос народной России», и до сих пор остаётся, по сути, «прозванным гением», хотя М. Горький ставил его рядом с Л. Толстым и Ф. Достоевским.

Известно, как духи революции, узнавшие себя в романе «Бесы», мстили Ф. Достоевскому. Вычёркиванием из литературы, неизданием почти во весь советский период нашей истории. И жестоким наказанием филологов, изучавших творчество великого писателя. Понятно, что мстили за его невероятную пророческую силу, о чём позже писал Н. Бердяев: «Когда в дни осуществления революции перечитываешь «Бесов», то охватывает жуткое чувство. Почти невероятно, как можно было всё так предвидеть и предсказать».

По сути, то же самое произошло на наших глазах и с романом Василия Белова «Всё впереди». Начали, кажется, сразу с «тяжёлой артиллерии», с выступления заведующего кафедрой теории литературы МГУ П. А. Николаева на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук. Вооружённый, разумеется, «передовой» теорией, заведующий кафедрой обвинял писателя в некомпетентности в рассуждениях «о таких понятиях, как цивилизация и культура, интеллигенция, нравственность, христианство, город и деревня»: «А ведь это чревато творческими поражениями (среди них я бы назвал роман «Всё впереди» В. Белова, только что опубликованный журналом «Наш современник»). Нашим писателям-деревенщикам не следует слишком торопливо судить о городе. Конечно, из деревенской избы видно многое, но не всё» (Московская правда. 4 октября 1986).

Почему Василий Белов, родившийся в деревне, но с юности являющийся городским жителем, теоретику литературы представлялся в «деревенской избе»? Да потому, что предварительно лучшая часть прозы была обозвана «деревенской», которая якобы ниже рангом, чем вся остальная, «решающая проблемы». А лучшая поэзия обозвана «тихой лирикой», не в пример «эстрадной» поэзии, не удержавшейся ни на площадях, ни в душах...

Словом, писателю, обозванному деревенщиком, отказано размышлять о том, что дозволено лишь избранным, стоящим на страже «скинии откровения», то есть — чистоты марксистско-ленинской идеологии.

«Городских людей, московских жителей, попытался написать Василий Белов в романе «Всё впереди»... Трудно узнать тут Белова, признанного мастера литературы, прекрасно разрабатывающего «деревенскую» тему» (Ольга Кучкина. Странная литература// Правда. 2 ноября, 1986). И опять-таки, как аргумент, как высший довод выдвигается принадлежность писателя к «деревенской» теме. Забавляет ирония критикессы о «наличии дьявола» в романе. Дескать, чего это вдруг персонажи его размышляют о дьяволе. Что тут скажешь? Диковинное племя, отрицающее духовную природу человека, для кого он лишь «материальная скотина» (Н. Гоголь), не ведает ни о Боге, ни о дьяволе...

Прямо-таки писатель якобы изменил самому себе, обратившись к городской теме. Не станешь же признавать, что это роман мировоззренческий и идеологический, даже если автор его «писатель-деревенщик». А потому и обозвали его семейно-бытовым, городским. Да к тому же он явно отличается от всего, созданного писателем ранее.

И, значит, роман «не удался». «Роман «Всё впереди» В. Белова к удачам этого талантливго писателя не отнесёшь, даже если очень того захочешь» (Ю. Суровцев. Огонёк. № 11, 1987). Какое там «хотение» при столь всеобщем негодовании на писателя, дерзнувшего изображать «дичающую» интеллигенцию, ведущую людей туда, где никого ничего хорошего не ждёт. В том числе и саму эту интеллигенцию, точнее «интеллигентчину» (Н. Бердяев).

Но такого рода идеологические романы по самой природе своей уступают в изобразительности и «объективированности». А потому вменять им это в вину нет никаких оснований.

Д. Урнов, дабы сказать о якобы несостоятельности романа, выискал «проблему» о «соотношении авторского взгляда с точкой зрения персонажей» (Вопросы литературы. № 9, 1987). Поди узнай, где точка зрения автора, а где персонажа, если всё сотворённое — и положительное, и отрицательное — во всяком художественном произведении есть плод ума и души писателя. Ничто ниоткуда *помимо него* в текст не привносится...

Василий Белов, «как это уже знают все» (примечательный аргумент) «сделал назад не шаг, и даже не два, а ещё больше» (Дмитрий Иванов. Огонёк. № 2, 1987).

«И это — Белов? Таким вопросом задаёшься почти на каждой странице его последнего романа. Неужели это он, Василий Белов, признанный мастер языка, замечательный художник, одним существованием которого гордилась — и не без оснований — наша словесность, неужели он написал — это?» (Вопросы литературы. № 9, 1987). И уже не текст анализировал, а выносил приговор самому писателю: «смута, чёрные, нечистые чувства овладевают душой писателя».

Да что же это такое? В чём тут дело?! Наблюдая весь гвалт вокруг романа «Всё впереди», так мог спросить простодушный и доверчивый читатель. А. Мальгин это «откровенно» объяснил. Оказывается, один из персонажей романа Миша Бриш — не того, как следовало бы, роду-племени... И идеолог от литературы А. Мальгин разразился демагогической, дежурной для такого рода осуждений тирадой. Разумеется, не имеющей никакого отношения к тексту романа «Всё впереди» уже потому, что ничего подобного в романе «Всё впереди» нет: «Скажу откровенно, называя вещи своими именами: мне, русскому человеку, стыдно, горько было читать те страницы романа, на которых когда намёками, а когда и впрямую поощряется национальное высокомерие, утверждается рознь между представителями разных народов и народностей нашей страны. Нет, никогда не селя великая русская литература рознь между народами, никогда не играла на тёмных инстинктах читателя, никогда не унижала представителей других национальностей. Подлинный патриотизм не имеет ничего общего с шовинистической спесью...» (Вопросы литературы. № 9, 1987).

И — с угрозой, что, дескать, разговор о русском «шовинизме»... «ещё впереди»... Печально, что эту русофобскую демагогию, никаким образом не выходящую из текста романа «Всё впереди», разделил журнал «Вопросы литературы», претендовавший на некоторую академичность, в приписке «От редакции»: «Что касается статьи А. Мальгина, то надо прямо сказать: редакция разделяет общую оценку критика и считает этот роман явной творческой неудачей одного из наших ведущих прозаиков».

Таковыми ещё совсем недавно были литературные нравы. Теперь, когда никакие обсуждения литературы невозможны по причине того, что литература изъята из общественного сознания, когда вместо литературно-художественного процесса устроен премиально-фуршетный дурман, и писатели с ног сбились, сшибая гранты и премии, невольно думаешь о том, что, может быть, и лучше, что подобная демагогия

не отравляет души образованной части общества, следившей за литературой и её обсуждениями...

Ну, писала же вполне серьёзно «прогрессистка» Наталья Иванова о романе Василия Белова, что «сама авторская позиция носит в романе черты мещанской растерянности перед движением времени» (Знамя. № 1, 1987). Каким оказалось это «движение времени», теперь уже вполне ясно. Очередная трагедия крушения страны и общества, исход которого ещё не вполне ясен, оказалась далеко не оптимистической... Да и могло ли быть иначе, если идеологическое обеспечение нового потрясения строилось на обмане — откровенная апология революции выдавалась за *эволюцию*. Ведь предлагались не реформы, и уж тем более не новое, демократическое обустройство государства, а *слом народной идентичности*, перековка человека, столь памятная по предшествующей революции начала XX века: «Слом традиций привычного образа жизни... Россия сегодня имеет уникальный шанс сменить свою социальную, экономическую, в конечном итоге историческую ориентацию, стать республикой «западного» типа» (Егор Гайдар. Государство и эволюция. М., Евразия, 1995). Неужто это — *эволюция*, а не *революция*?..

Да, роман «Всё впереди» непривычен для писателя. Во всяком случае он явно выбивается по своему стилю из ряда его предшествующих произведений. Но это не даёт никаких оснований считать его неудавшимся, как почти в один голос твердили его критики. Это общее свойство таких мировоззренческих, идеологических романов, в которых изобразительность, например, сама уступает место их «философичности». Ф. Достоевский отмечал, что в его романе «Бесы» тенденция преобладает над художественностью. А потому общее свойство такого рода романов выставлять в качестве их недостатка просто несправедливо.

Даже название своему роману «Всё впереди» Василий Белов взял из романа Николая Лескова «На ножах». Именно так называется одна из главок в романе Н. Лескова. Казалось бы, что непримиримые и неистовые ниспровергатели романа В. Белова «Всё впереди» должны были бы скорее упрекать писателя в том, что он слишком уж покорно следует за классиком, чем напрочь отрицать его, уверяя читателей в том, что писатель в этом романе якобы потерпел неудачу. Есть и другие переключки в романах Н. Лескова и В. Белова. Можно даже сказать, что роман «Всё впереди» написан как бы с оглядкой на роман «На ножах». Но этого как раз и не было замечено. А это значит, что в романе «Всё впереди» было нечто такое для критиков неприемлемое, что они напрочь отвергли его без всякого анализа. Бесы и духи революции, действительно, узнали себя в этом романе и повели с ним непримиримую борьбу, как якобы консервативным, только мешающим торжеству их «передовых» и «прогрессивных» идей, таковыми, как теперь уже совершенно ясно, не являвшимися.

В самом деле, в романе «Всё впереди» есть и сюжетные, и смысловые переключки с романом «На ножах», которые уж никак нельзя посчитать случайными. Скорее всего, идя на такие переключки, Василий Белов тем самым указывал на то, какой именно традиции в русской литературе в данном случае он придерживается. Традиции мировоззренческого, идеологического, социального романа, которая с наибольшей силой и невероятной прозорливостью и даже пророчеством сказалась в творчестве Н. Лескова и Ф. Достоевского.

И само это понятие — «всё впереди» — несколько неопределённое, романтическое порывание в неведомое будущее, как уход от прошлого и неумение жить настоящим, и в романе «На ножах», и в романе «Всё впереди» связано не столько с мужским, сколько с женским началом.

В романе В. Белова это — Люба Медведева, учительница музыки одной из московских школ, которая «всегда жила завтрашним, вернее, послезавтрашним днём, думая только о будущем, не замечая настоящего и совсем не вспоминая о прошлом». Не обременённая ни прошлым, ни настоящим, погружённая в эту романтическую мечтательность, она, естественно, считала, что самое прекрасное у неё впереди. В романе Н. Лескова, это — Лариса Платоновна Висленева: «Вся жизнь Ларисы ещё впереди».

В романе «Всё впереди» как некое видение появляется белая лошадь. Наркологу Иванову она показалась *цыганской*: «Увидел белую, скорее всего, цыганскую лошадь». Такое определение можно понять как некую неприкаянность. Миша Бриш заключает пари с Аркадием, своим другом, на бутылку виски «Белая лошадь» — соблазнить Любу и наставить рога «жлобу Медведеву»...

В романе «На ножах» «Ларка роковая» тоже сравнивается с лошастью, но уже *калмыцкой*: «Её, как калмыцкую лошадь, один калмык переупрямит».

Поразительно, что как в романе «На ножах», так и в романе «Всё впереди», есть сходная и неприглядная интрига. Бодростина говорит Горданову, подбивая его соблазнить Ларису Висленеву: «Ударь за Ларой, — она красавица и, будь я мужчина, я бы сама её в себя влюбила.

— Потом?

— Потом, конечно, соблазни её, а если не её — Синтянину, или обоих вместе — это ещё лучше! Вот ты тогда здесь нарасхват!»

В романе «Всё впереди» Миша Бриш, одноклассник Любы Медведевой, а потом её второй муж, после того, как Медведев попал в тюрьму за халатность, допущенную в научном эксперименте, подбивает своего друга Аркадия соблазнить свою будущую жену:

— Если бы ты наставил рога этому жлобу Медведеву, я бы только приветствовал, — сказал Михаил Бриш. — Но это исключено.

— Хочешь пари? — ответил весело голос.

— Говорю тебе, ты проиграешь. А что ставишь?

— Бутылку лучшего виски.

— Я согласен на «Белую лошадь».

Примечательны сюжетные совпадения в романах, говорящие о том, что они находятся в единой литературной традиции. А потому вовсе неслучайно упоминание о «шестидесятничестве» в романе «На ножах». В исповеди Александры Синтяниной: «Попала под колёса обстоятельств, накотивших на моё отечество в начале шестидесятых годов. ...Без всякого призвания в политике я принуждена была сыграть роль в событиях политического характера».

В этих романах, отстоящих друг от друга на столь большом временном расстоянии, представлен тот тип сознания, та система ценностей, какую люди принимают в своё оправдание, тот образ жизни, который неизбежно приводит к революционному анархизму. В том и в другом случае — это средство показать то, что «полоса смятений на Руси ещё не прошла: она, может быть, только едва в начале» (Н. Лесков).

Как в романе «Всё впереди», так и в романе «На ножах» является Париж, эта родина переворотов и революций. Является как некое безусловное мерило, как испытание и проверка человека на духовный стоицизм.

В романе В. Белова Люба Медведева совершает туристическую поездку в Париж. Париж в её душе живёт в расхожем, романтически-мечтательном смысле, свойственном натурам неглубоким и несамостоятельным: «И так радостно билось сердце: Париж! Город, о котором столько сказано и написано всеми людьми земли. И это её,

Любу Медведеву, ждѣт удивительная, теперь уж такая близкая встреча с Парижем. Неужели это не сон?»

Потому-то она стыдится своего, родного: «За границей Любе всё время было стыдно. Ей казалось, что на них оглядываются, что москвичи многое делают невпопад. Она то и дело краснела». Это психология лакея Яши из «Вишнёвого сада» А. Чехова: «Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте милость. Здесь мне оставаться положительно невозможно... сами видите, страна необразованная, народ безнравственный... Насмотрелся на невежество — будет с меня».

Поездкой в Париж и поверяется истинная натура Любы Медведевой: «Поездка за границу только проявила её всегдашние, коренные свойства. Обычная заурядная баба...».

В романе «На ножах» нет романтически-мечтательного восприятия Парижа, свойственного временам последующим. Но есть констатация его беспощадной экспансии: «Париж играет, а Петербург пляшет под звуки волшебной флейты». Но не только в таком значении предстаёт он в романе. Но и в более глубинном, как извечное соотношение *цивилизации* и *культуры*. Причѣм в довольно неожиданном ракурсе:

— Наплевать на такую волю, чтобы петь да дышать только: мне больше нравятся звуки Марсельезы в рабочих улицах Парижа, — ответил Форов.

— Париж! Город! — воскликнул с кротким предостережением Евангел. — Нет, нет, не ими освятится вода, не они раскуют мечи на орала! Первый город на земле сгордил Каин; он первый и брата убил. Заметьте — создатель города есть и творец смерти; а Авель стадо пас, и кроткие наследят землю. Нет, сестры и братья, множитесь, населяйте землю и садите в неё семена, а не башеньки стройте, ибо с башен смещение идёт.

Именно в таком соотношении цивилизации и культуры предстаёт город в романе «Всѣ впереди» В. Белова. Но и в несколько ином. Как некий фантом, вышедший из человеческого повиновения: «Вышедший из человеческого подчинения, гигантский город расширялся по зелёной земле, углублялся в её недра и тянулся ввысь, не признавая ничьих резонансов».

А потому является непростительным упрощением сложнейшее соотношение цивилизации и культуры сводить к проблемам урбанизации нашей жизни. А то и вовсе какое-то оглушение. Будто бы в художественном мире Василия Белова город — это исчадие зла, а деревня — добро.

«Белов посягает на такое противопоставление, как противопоставление культуры и цивилизации», — несколько высокомерно писал Игорь Золотусский (Знамя. № 1, 1987). И тут же: «Но я не могу принять его нелюбви к городу вообще, как и не могу признать, что деревня — это «лад», а город гнездо бесовства». Ну не так же у В. Белова: «Насилие над природой выходит из-под нравственного контроля». А город: «Он жил по своим законам, созданным им же самим и лишь для себя».

Соотношение же цивилизации и культуры не такое простое, во всяком случае, далеко не сводящееся к урбанизации. Это — два соперничающих миропонимания, находящихся друг к другу вовсе не в альтернативном, не взаимоисключающем друг друга положении. По всякой логике они должны уравнивать друг друга. Но далеко не всегда они находят это необходимое равновесие.

Цивилизация предлагает парадигму прогресса: развитие от простого к сложному, от несовершенного к более совершенному. Но человек не подчиняется такой парадигме. И мы видим, что он не становится ни лучше, ни совершеннее. Культура контролирует цивилизацию, не даёт человеку сгореть в огне цивилизации...

Цивилизация не объясняет мир, но загромождает его. Она мстит культуре за то, что по самой природе своей та бессильна постичь целостное многообразие этого

мира. Она не может смириться с неразрешимыми тайнами мира и человека. Не может простить культуре конечную непознаваемость этого мира («Не жди последнего ответа. Его в сей жизни не найти», — А. Блок). А потому, может быть, и невольно покушается на духовную природу человека, отрицая и подавляя её. До такой степени, что в наше время человек остановился в некоторой растерянности, видя, что блага, даваемые цивилизацией и прогрессом, соизмеримы с теми потерями для духовного здоровья человека, которые они приносят. Именно на этом пути признания непознаваемости мира Дмитрий Медведев из романа «Всё впереди» и находит равновесие и примирение с этим миром: «Уже несколько лет он жил в том новом для себя состоянии, когда ум, оскорблённый и принижённый неизбежностью смерти, перестал задавать вопросы, на которые — Медведев знал это — никогда не будет ответа. Уважение к великим человеческим тайнам стало нормальным медведевским состоянием. Оно избавило от изнурительных дум о бессмысленности существования. Для Медведева стало личным открытием то, что гордая ненасытность голого рационалистического ума, казалось бы, призванная служить свободе, парадоксальным образом закрепила ещё больше...».

И, наконец, ещё об одной перекличке в романах «На ножах» и «Всё впереди». О соотношении мира вещного и незримого, в коем и совершается брань духовная как непрерывное условие человеческого бытия. О добре и зле.

Есть в романе «На ножах» глава «Тёмные силы», в которой Н. Лесков пишет, как видно по всему, с некоторой иронией. По всей видимости, потому, что в его времена это соотношение не подвергалось сомнению и осмеянию: «В этом романе читателям уже не раз приходилось встречать сцены, относительно которых, при поверхностном на них взгляде, необходимо должно возникнуть предположение, что в разыгрывании их участвуют неведомые силы незримого мира — тогда как учёным реалистам нашего времени достоверно известно, что нет никакого иного живого мира, кроме того, венцом которого мы имеем честь числить нас самих...».

Современное же позитивистское сознание не усомнилось отвергнуть само понятие о добре и зле. Оно переводит представления духовно-мировоззренческие в область социальную, и они становятся для него неразличимыми. Вот как поизгалялся над романом «Всё впереди» Андрей Мальгин в статье «В поисках «мирового зла», демонстрируя всё убожество позитивистского разума: «Итак, существует тайная дьявольская сила», — иронизирует он, нисколько не сомневаясь в том, что никакой незримой силы зла в действительности не существует. Она-де «использует в нашей стране» порочные наклонности человека для... Хочется прервать и возразить: да не «в стране», а — в душе человеческой...

В комментарии «От редакции» журнал «Вопросы литературы» дал прямо-таки убийственную характеристику «козням дьявола». Причём в качестве некой общепризнанной нормы: «Идея эта ложная и совершенно непродуктивная, поскольку и полезнее, и нравственнее не на дьявола пенять, а на себя оборотиться».

Надеюсь на то, что приведённое мной сопоставление романов «На ножах» и «Всё впереди» убеждает в том, в какой именно традиции создан роман Василия Белова. Именно в такой последовательности и преемственности понятны и злободневны пророчества романов: «На ножах» Н. Лескова, «Бесы» Ф. Достоевского, «Всё впереди» В. Белова. Ну а то, что роман Василия Белова был атакован так же, как и романы великих предшественников его, свидетельствует о том, что автор не творческое поражение потерпел, а одержал победу. Духи новой, «демократической» революции узнали себя в нём. Единообразное, абсолютно демагогическое, вне литературной традиции отрицание романа является тому подтверждением.

Те же переключки с романом «На ножах», которые мы находим в романе «Всё впереди», конечно же, не являются какой-то преднамеренностью. Скорее, тут сказалась закономерность, о которой говорил сам В. Белов: «Все русские писатели испытывали влияние своей национальной классики» (Литературная учёба. № 6, 1985).

Но сопоставляя «шестидесятничество» XIX века, уготовившего революцию в России начала XX века, с «шестидесятничеством» нашего времени, идеологически обеспечившего «демократическую» революцию, становится как-то жутковато от того, насколько они сходны и неизменны, словно мы не движемся вперёд сквозь метафизические провалы, а кружим на месте по какому-то топкому болоту...

Александр Блок в статье «Герцен и Гейне» писал о «шестидесятничестве» XIX века: «Эти далёкие и слабые потомки Пушкина одиноко *дичали*, по мере того как дичала русская интеллигенция. Шестидесятничество и есть ведь одичание; только не в смысле возвращения к природе, а в обратном смысле: такого удаления от природы, когда в материалистических мозгах заводится слишком уж большая цивилизованная «дичь», «фантазия» (только наизнанку), слишком уж, так сказать, — «не фантастическая». Но это полностью, без каких-либо уточнений относится и к «шестидесятничеству» XX века.

Дискуссий о литературе ныне вообще нет. Их вести стало некому и негде. В извечном противостоянии и противоборстве «цивилизации» и «культуры» победила, кажется, окончательно «цивилизация». Надменная цивилизация отомстила-таки культуре. В полном согласии с либерально-демократической идеологией, которой культура вроде бы и ни к чему. Декларативная борьба, вроде бы, за человека, забота о его правах и свободах обернулась своей противоположностью — умалением человека, унижением его.

Это невообразимое и, казалось, невысказанное у нас в России, самой литературоцентричной стране, бедствие, чреватое трагическими для народа последствиями, только подтверждает пророческую правоту и злободневность романа Василия Белова «Всё впереди».

